

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-72-79

ВНОВЬ ПОСТИГАЯ «ДВЕНАДЦАТЬ» А. БЛОКА

Захарова В.Т.

Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина

(Мининский университет)

603950, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье осуществляется анализ сюжетной ситуации поэмы «Двенадцать», связанной с образами красногвардейцев и убийством Катки, что помогает глубже осознать истинную сущность произведения. Через сопоставление различных подходов к её пониманию и оценке выявляются смысловые коннотации, ранее не замеченные в литературоведении. Привлечены документальные свидетельства, помогающие понять и эволюцию отношения А. Блока к октябрьским событиям.

Ключевые слова: поэма «Двенадцать», полемическая направленность, образы красногвардейцев, романтика преобразования, разочарование.

COMPREHENDING «THE TWELVE» BY A. BLOK AGAIN

V. Zakharova

Nizhny Novgorod Kozma Minin State Pedagogical University (Minin University)

1, Ulyanova St., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603950

Abstract. This paper presents the analysis of the narrative situation of the poem «The Twelve», associated with images of Red Guards and the murder of Katka that helps deeper understanding of the true essence of the work. Through the comparison of various approaches to comprehension and evaluation of this situation revealed are meaning connotations that previously were not seen in literary criticism. The author drew documentary evidence that helps to understand the evolution of the view of Alexander Blok on October events.

Keywords: poem «The Twelve», a polemical thrust, the images of the soldiers of the revolution, the romance of transformation, the frustration.

Восприятие поэмы А. Блока «Двенадцать» отечественным литературоведением имеет свою парадоксальную историю. В советской литературе это произведение в течение семи десятилетий занимало почётное место как первая поэма, воспевающая Октябрьскую революцию. Правда, буквально во всех учебниках и научных трудах, ей посвящённых, делался мягкий упрёк поэту, «недопонявшему» революцию и слишком увлечшемуся пафосом разрушения, взвихренной, неуправляемой стихии.

В годы пересмотра исторических и культурных ориентиров акценты в трактовке поэмы контрастно переменились: то, за что упрекали Блока, стало препод-

носиться как свидетельство его прозорливости и постижения истинного смысла революции [9].

Полагаем, что обе эти полярные точки зрения имеют мало общего с истинным смыслом этого произведения – одного из самых загадочных в русской литературе XX века. Ключ же к его разгадке следует искать только в нём самом, и помогает это сделать анализ поэтики, а также косвенные свидетельства: публицистика, переписка и дневниковые записи А. Блока периода создания поэмы. Как верно отмечено Л.А. Смирновой, «многократно острее, болезненнее, самокритичнее и глубже, чем многие другие его современники, воспринял А. Блок время тревожных смещений 1917 г.» [16, с. 357].

Покажем один из возможных путей исследования. Прежде всего, необходимо уяснить, что динамика отношения поэта к революции имела свою романтическую и одновременно конкретно историческую логику. И воплотившиеся в поэме настроения поэта – это настроения именно периода января 1918 года, т.е. первых месяцев революции. Верно понять их помогают воспоминания биографов о том, что события Октября Блок «встретил радостно, с новой верой в очистительную силу революции. Ему казалось, что старый мир действительно рушится, и на смену ему должно явиться нечто новое и прекрасное» [1, с. 172]. Подобными чувствами проникнута и известная статья Блока «Интеллигенция и революция» с призывом «слушать музыке революции», и письма к матери, к жене, с тоской о том, что «ни один интеллигентный человек не разделяет его понимания происходящих событий и их величия» [7, с. 458], с убеж-

дённостью в том, что интеллигенция не имеет права «дрянным буржуазным недоверием оскорблять умный, спокойный и много знающий революционный народ» [5, с. 444]. Проникнуты поразительным доверием к совершаемому и многие записи Блока в дневниках, венчающиеся очень личностным признанием: «...наша революция» [4, с. 469]. **Следует подчеркнуть, что к подобному восприятию народного волеизъявления Блок шёл всю сознательную жизнь, проникнутую его кровной «темой о России».**

Полагаем, что только исходя из понимания такой гражданской позиции поэта можно понять истинный смысл поэмы «Двенадцать».

Тогда становится ясно, что для красногвардейского патруля, вышедшего в ночь охранять завоевания революции и представляющего собой организованную революционную силу, совершенно неуместны такие обозначения, как «буйная ватага», «анархизирующая вольница», применявшиеся в советский период [15, с. 367]. Ведь с самого начала, в третьей главке, в поэме заявлено: «Как пошли наши ребята в красной гвардии служить...» [3, с. 236]. Правда, перед этим, во второй главке, читаем: «В зубах цигарка, примят картуз, на спину б надо бубновый туз» [3, с. 235]. Однако, если учесть приём многоголосицы, который использует здесь Блок, и ассоциативную связь с предшествующей главкой, то почему не предположить, что такими, почти каторжниками, они видятся именно представителям старого мира, для которых ветер революции враждебен? Мы также должны учитывать и полемическую направленность поэмы: её пафос построен на излюбленном поэ-

том принципе столкновения контрастов: взяты люди, на первый взгляд, даже страшные в своей темноте и неотёсанности, и именно они оказываются достойными для возведения в ранг героев, ибо они – творцы революции. (Об этом убедительно сказано в работах, связанных с проблемой школьного преподавания литературы) [11; 12; 18].

Всё же сегодня такая мысль трудно даётся современному читателю, однако дело обстоит именно так. И доказательство тому в развитии сюжета поэмы, где очень своеобразно представлена эволюция её героев. Связана она, в первую очередь, с историей Петрухи и Катьки, имеющей важнейшее значение для понимания смысла поэмы.

В центре событийного ряда произведения – гибель Катьки, невинной жертвы революции. Исполненные страстью социального мщения («Был Ванька наш – а стал солдат» [3, с. 236]) и проявившие здесь явный анархизм красногвардейцы, устроившие самосуд над Ванькой, не заметили, как в перестрелке погибла Катька. Оторопевший Петька сначала произносит нечто грубовато-самозащитное, да и обстоятельности, эпохальное чувство долга перед революцией как бы закрывают перед нами его истинные чувства: «Революционный держите шаг! Неугомонный не дремлет враг!» [3, с. 236].

По сути, Блок открыто подставляет себя под удар со стороны тех кругов интеллигенции, кто видел в революции только её «гримасы». Ведь здесь, на первый взгляд, явно прочитывается мысль о незначительности отдельной человеческой личности перед лицом высокой задачи защиты революции от классовых врагов (и в этом узнаваема

страшная мысль идеологов карающей политики последующих лет). Получается, что Блок, отвечая тогдашним противникам революции, пророчески отвечал и тем, кто исказит её облик, каким он тогда представлялся поэту, в будущем.

Но в чём же заключался его ответ? Он – в понимании произошедшего с Петрухой.

В литературоведении бытовали весьма противоречивые суждения по поводу этой сюжетной линии поэмы. А. Горелов убедительно полемизировал с теми, кто считал чувства и переживания Петьки ошибкой, недостойной бойца (мнение С. Штут, З. Минц), или же приходит к выводу, что Блок свёл личную драму Петрухи «на нет», что «вся эта драматическая история любовных отношений – только каркас поэмы, а не её плоть» (мнение В. Орлова) [10, с. 420].

Петруха, нечаянно убивший Катьку, испытывает тяжкие душевные муки.

Прав А. Пьяных, считавший, что «лирическая исповедь Петрухи обнаружила в нём пробуждение одухотворённого начала» [14, с. 65]. Эту мысль Блоку нужно было утвердить и для того, чтобы романтически-приподнято изобразить любовь простого человека, и для того, чтобы показать высокий смысл революции, как он его тогда понимал. Причём важнейшую роль здесь играет и собирательный образ товарищей Петрухи. Их реакция на его страдания трогательна и человечна.

В исследованиях советских лет понимание этого эпизода было совершенно иным. Пытаясь доказать несущественность драмы Петьки, обычно опирались на слова красногвардейцев:

«Не такое нынче время, чтобы нянчиться с тобой» [3, с. 240]. Но ведь данные слова как раз и свидетельствуют об остроте конкретного исторического момента, а не имеют глобального смысла, что очень важно понять. «Нянчиться» с человеком, сочувствовать его горю – от этого герои Блока не отказываются *совсем*, просто сейчас, в их тяжёлое время, они чувствуют, что это может расслабить их товарища, а впереди – «потяжеле будет время...» [3, с. 240].

А дальше в поэме следует один из самых интересных её эпизодов, психологическая тайна которого до сих пор полностью не разгадана. Именно этот эпизод, начинающийся словами «Эх, эх! Позабавиться не грех! Запирайте этажи, нынче будут грабежи!» [3, с. 240], дал основание многим литературоведам утверждать, что Блок «...изображает революцию прежде всего как бушующую стихию, он видит в ней главным образом её внешнюю, разрушительную сторону [17, с. 141].

Но ведь эти строки находятся в определённом психологическом контексте: выражают надсадно-тоскливое, отчаянное настроение Петрухи после убийства Катьки, причём именно настроение, отнюдь не реализующееся в анархическом действии! Более того, под влиянием товарищей оно трансформируется у Петьки в более чёткое осознание революционного долга: «Вперёд, вперёд, рабочий народ!» [3, с. 241]. Докажем это.

Вот первая реакция Петрухи на сочувственно-подбадривающие слова товарищей: «И Петруха замедляет то ропливые шаги... Он головку вскидывает, он опять повеселел!...» [3, с. 240]. Если считать на этом страдания Петь-

ки благополучно завершёнными, а всё дальнейшее («Отмыкайте погреба – гуляет нынче голытьба!» [3, с. 240]) – действительным проявлением анархической разнузданности блоковских героев, как это и принято, то выяснится, что при этом искажается самая суть гуманистической мысли поэта, да и глубина проникновения Блока в психологию своих героев окажется не обнаруженной. Но слишком мало стоили бы страдания Петьки, если бы так легко было на них поставить точку. Действительно, поэт принимает бой в невыгодных для себя условиях: он постоянно подставляет себя под удары, и мы, обманутые кажущейся прозрачной «лёгкостью» прочтения, все наносим их...

Присмотримся: всё не так примитивно-просто с Петрухой. Он «повеселел», но как? Его рвущееся наружу отчаяние ищет себе разудалого выхода, воплощающего в себе что-то вроде разинского начала, с его угрозой социального мщения («Уж я ножичком полосну, полосну!» [3, с. 240]), буйного стремления утопить своё горе в вине («Отмыкайте погреба...» [3, с. 240]). И какая же безмерная человеческая тоска прорывается сквозь этот жгучий монолог (а слова эти и есть не что иное, как именно внутренний монолог страдающего Петрухи: «Ох ты, горе-горькое! Скука скучная, смертная!» [3, с. 240]). И образ незабвенной Катьки здесь надо всем: «Выпью кровушку за зазнобушку-чернобровушку... Упокой, Господи, душу рабы твоя...» [3, с. 240].

На гребень высокой эмоциональной волны возносит здесь поэт своего читателя, который должен поверить в силу страдания его героя. Но ещё

раньше он, тонкий психолог, заставил нас, как мы убедились, поверить товарищам Петрухи, их способности поддержать его в трудное время, ощущая веление высшего долга. Последний они ощущают постоянно. Недаром же в поэме повторяется строгий песенный рефрен: «Вперёд, вперёд, рабочий народ!». Поэтому для нас не должны быть неожиданными слова, которыми открывается предпоследняя, 11-я глава: «...И идут без имени святого все двенадцать – вдаль» [3, с. 242]. Для самого сомневающегося читателя Блок дал здесь слово-«ключик», словно под сказку, чтобы всё стало на свои места, подчеркнув: «все двенадцать...» курсив мой. – В. З.) Именно все! С Петрухой вместе! Однако и по сей день ещё нужно доказывать, что в поэме после нечаянного убийства Катьки никого не грабят и не убивают. Даже современное прочтение поэмы, с верными представлениями о духовном пере рождении героя, даёт пример «остановки на полпути»: «Но сейчас Петруха чувствует себя уже не как «я», а как «мы» (гуляющая гольтьба)» [13].

Сегодняшнее прочтение поэмы во многом осложняется из-за сложившегося восприятия революции благодаря публикациям из потока «возвращённой литературы», среди которых «Несвоевременные мысли» М. Горького, «Окаянные дни» И. Бунина, «Петербургский дневник» З. Гиппиус, «Взвихренная Русь» А. Ремизова, «Апокалипсис нового времени» В. Розанова. В связи с этим следует отметить два момента.

Первое: блоковская «осанна» Октябрю имела не только романтическую окраску с утопическими надеждами, но и питалась впечатлениями

конкретно-историческими, современному читателю не вполне известными. Дневники и письма А. Блока 1917 года пестрят заметками о «необычайно образцовом» порядке в Петербурге, поддерживаемым революционным народом. Стоит сослаться и на впечатления многих очевидцев, писавших о бескровности штурма Зимнего, о спокойствии и порядке в городе, продолжавшего свою мирную жизнь с театральными сезонами и ёлками для детей в эту революционную зиму. Так, американская журналистка Бесси Битти, бывшая вместе с Джоном Ридом и Альбертом Рисом Вильямсом в Петрограде в ночь октябрьских событий, писала, в частности: «Этот и следующий день в городе царил абсолютное спокойствие и порядок, какие Россия знала лишь в первые дни мартовской революции, когда всё население находилось в состоянии экзальтации, свободной от всяких эгоистических стремлений. Всем солдатам было разъяснено, что в их руках находится честь новой революции... Им внушали, что необходимо было воздерживаться от всякого насилия и не допускать каких-либо грабежей. На домах были развешаны плакаты, призывавшие принимать меры предосторожности против беспорядков, на всех перекрёстках стояли солдатские патрули» [2, с. 57].

Второе: следует очень внимательно подходить к анализу динамики блоковского отношения к революции после написания поэмы. Факт искреннего, безоглядно-доверчивого, романтически-приподнятого восприятия поэтом Октября не должен вызывать сомнений у чуткого читателя. Но ведь совсем скоро поэт замолчал, замолчал навсегда, не написав уже больше ниче-

го до самой своей смерти, последовавшей спустя три года.

Косвенный ответ на причины его молчания можно найти в россыпях публицистики последних лет. Так, в «Юбилейном приветствии М. Горькому» в марте 1919 г. **отчётливо ощутимы** следы разочарования. Блок писал, повторяя слова Гоголя: «Если и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром? Только музыка способна остановить кровопролитие, которое становится тоскливой пошлостью, когда перестаёт быть священным безумием» [8, с. 326]. **Однако надежды поэта, воочию убедившегося, как далеко зашло «священное безумие», на умиротворяющую роль искусства оказались непрочны.**

Уже в июле 1919 г. он напишет в «Чукоккале» поразительное признание, ставшее достоянием читателей только в конце 1980-х годов: «...память моя заржавела, а новых звуков давно не слышно. Все они приглушены для меня, как, вероятно, для всех нас. Я не умею себя заставить вслушиваться, когда чувствую себя схваченным за горло, когда ни одного часа, дня и ночи, свободного от насилия полицейского государства нет, и когда живёшь со сцепленными зубами. Было бы кощунственно и лживо припоминать рассудком звуки в беззвучном пространстве» [6, с. 72].

Вероятно, именно жестокость постигшего поэта разочарования и стоила ему жизни.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бекетова М.А. Александр Блок. Биографический очерк // Бекетова М.А. Воспоминания о Блоке. М.: Правда, 1990. 672 с.
2. Битти Б. Красное сердце // Наше наследие. 1988. №1. С. 51-62.
3. Блок А. Двенадцать // Блок А. Собр. соч. в 6 т. Т. 3. М.: Библиотека «Огонёк», изд-во «Правда», 1971. 414 с.
4. Блок А. Запись в дневнике от 11 января 1918 г. // «Я лучшей доли не искал». Судьба Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М.: Правда, 1988. 560 с.
5. Блок А. Запись в дневнике от 19 июня 1917 г. // «Я лучшей доли не искал». Судьба Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М.: Правда, 1988. 560 с.
6. Блок А. Ответ на стиховедческие вопросы К. Чуковского / Неопубликованные автографы из «Чукоккалы» // Наше наследие, 1989. № 4. С. 69-76.
7. Блок А. Письмо к матери от 19 июня 1917 г. // «Я лучшей доли не искал». Судьба Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М.: Правда, 1988. 560 с.
8. Блок А. Юбилейное приветствие М. Горькому // А. Блок. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4. Очерки. Статьи. Речи. 1905-1921. Л.: Худож. лит., 1982. 462 с.
9. Вильчек В. Эпиграф столетия // Знамя. 1991. № 11. С. 219-229.
10. Горелов А. Гроза над соловьиным садом. Л.: Советский писатель, 1973. 608 с.
11. Зуев Н. Пушкинские традиции в последних произведениях А. Блока // Литература в школе. 2002. № 3. С. 17-22.
12. Карпович Н.В. Размышления о поэме А.А. Блока «Двенадцать» // Литература в школе. 2000, № 8. С. 27-30.
13. Подшивалова Е.А. Поэма «Двенадцать» в контексте историософских размышлений А. Блока // Вестник Удмуртского университета. 2008. Вып. 3. С. 153-165.
14. Пьяных М. Слушайте революции: Поэзия Александра Блока сов. эпохи: пособие для учителя: Анализ поэм «Двенадцать» и «Скифы». М.: Просвещение, 1980. 142 с.

15. Русская советская литература: учебник для 10 класса / под ред. В.А. Ковалёва. Изд. 9-е, дораб. М.: Просвещение, 1885. 400 с.
16. Смирнова Л.А. Русская литература конца XIX – начала XX века: учебник для студентов пед. ин-тов и ун-тов. М.: Лаком-книга, 2001. 383 с.
17. Тимофеев Л.И. Творчество А. Блока. М.: АН СССР, 1963. 199 с.
18. Трубина Л.А. «Верю в Россию»: Историко-философские символы Блока и Белого // Литература в школе. 2001. № 5. С. 19-26.

REFERENCES

1. Beketova M.A. Alexander Blok. Biographical sketch. In: *M.A. Beketova. Vospominaniya o Bloke* [M. Beketova. Memories of Blok]. Moscow, Pravda Publ., 1990, 672 p. (in Russ.)
2. Bitti B. Red heart. In: *Nashe nasledie* [Our heritage]. 1988, no. 1, pp. 51-62. (in Russ.)
3. Blok A. Twelve. In: *A. Blok. Sobranie sochinenie v 6 t. T. 3* [A. Blok. Collected works in 6 vols. Vol. 3]. Moscow, Ogonek library, Pravda Publ., 1971, 414 p. (in Russ.)
4. Blok A. Journal entry of January 11, 1918. In: «*Ya luchshei doli ne iskal*». *Sud'ba Bloka v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniyakh* [«I haven't look for a better life»: Blok's fate in letters, journals, memories]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 560 p. (in Russ.)
5. Blok A. Journal entry of June 19, 1917. In: «*Ya luchshei doli ne iskal*». *Sud'ba Bloka v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniyakh* [«I haven't look for a better life»: Blok's fate in letters, journals, memories]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 560 p. (in Russ.)
6. Blok A. The answer to questions of versification by K. Chukovsky. In: Unpublished autographs of "Chukokkala". In: *Nashe nasledie* [Our heritage]. 1989, no. 4, pp. 69-76. (in Russ.)
7. Blok A. Letter to mother dated June 19, 1917. In: «*Ya luchshei doli ne iskal*». *Sud'ba Bloka v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniyakh* [«I haven't look for a better life»: Blok's fate in letters, journals, memories]. Moscow, Pravda Publ., 1988, 560 p. (in Russ.)
8. Blok A. Anniversary greetings to Maxim Gorky In: *A. Blok. Sobranie sochinenii v 6 t. T. 4. Ocherki. Stat'i. Rechi. 1905-1921*. [A. Blok. Collected works in 6 vols. Vol. 4. Essays. Article. Speech. 1905-1921]. L., Khudozhestvennaya literatura Publ., 1982, 462 p. (in Russ.)
9. Viľček V. The epigraph of the century. In: *Znamya* [Banner]. 1991, no. 11, pp. 219-229. (in Russ.)
10. Gorelov A. *Groza nad solov'inym sadom* [Storm over the nightingale's garden]. L., Sovetskii pisatel', 1973, 608 p. (in Russ.)
11. Zuev N. Pushkin's tradition in the latest works of A.Blok. In: *Literatura v shkole* [Literature in school]. 2002, no. 3, pp. 17-22. (in Russ.)
12. Karpovich N.V. Reflections on the A.Blok's poem «Twelve». In: *Literatura v shkole* [Literature in school]. 2000, no. 8, pp. 27-30. (in Russ.)
13. Podshivalova E.A. The poem "Twelve" in the context of historiosophic reflections of Alexander Blok. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University]. 2008, no. 3, pp. 153-165. (in Russ.)
14. P'yanykh M. *Slushajte revolyutsiyu: Poeziya Aleksandra Bloka sov.epokhi: posobie dlya uchitelya: Analiz poem «Dvenadtsat'» i «Skify»* [Listen to the revolution: Alexander Blok's poetry of soviet era: textbook for teacher: analysis of poems «The Twelve» and «Skifs»]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1980, 142 p. (in Russ.)
15. Russkaya sovetskaya literatura: uchebnik dlya 10 klassa [Soviet Russian literature: textbook for 10th grade]. Ed. 9th, rev. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1885, 400 p. (in Russ.)
16. Smirnova L.A. *Russkaya literatura kontsa XIX – nachala XX veka: uchebnik dlya studentov ped. in-tov i un-tov*. [Russian literature of late 19th – early 20th century: a textbook for students of pedagogical institutes and universities]. Moscow, Lakom-kniga Publ., 2001, 383 p. (in Russ.)

17. Timofeev L.I. *Tvorchestvo A.Bloka* [The works of A. Blok]. Moscow, AS USSR Publ., 1963, 199 p. (in Russ.)
18. Trubina L.A. "I believe in Russia": the Historical-philosophical symbols of the Block and White. In: *Literatura v shkole* [Literature in school]. 2001, no. 5, pp. 19-26. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Захарова Виктория Трофимовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина, директор научно-образовательного центра «Аксиология славянских культур»;
e-mail: victoriazaharova95@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria Zakharova – doctor of Philological Sciences, professor at the department of Russian and foreign Philology at Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), director of scientific-educational center «Axiology of Slavic cultures»;
e-mail: victoriazaharova95@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Захарова В.Т. Вновь постигая «Двенадцать» А. Блока // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 2. С. 72-79.
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-72-79

CORRECT REFERENCE

V. Zakharova. Comprehending «The Twelve» by A. Blok again. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology, 2017, no. 2, pp. 72-79.*
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-2-72-79